

ВЛАДИМИР МАКАРЧЕНКО

В БОГИ ВЗЯТЫ

ФЭНТЕЗИ

Владимир Макарченко
В боги взяты. фэнтези

«Издательские решения»

Макарченко В.

В боги взяты. фэнтези / В. Макарченко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748476-7

В короткой фантастической повести «Я остаюсь» автор излагает свою версию появления на нашей планете первого человека. В повести «В боги взяты» два брата, Усил и Коляда, решаются бросить вызов нечисти, что населяет русские земли, а главное — отомстить за смерть родичей своих, коих погубил Черный Ворон. Но чтобы совладать с темной силой, надобно обладать умениями и особым оружием. Посему братья отправляются на поиски топора самого Бога Хорса.

ISBN 978-5-44-748476-7

© Макарченко В.
© Издательские решения

Содержание

Я остаюсь	6
Ч. 1. Человек	6
Ч. 2. Кто я?	9
Ч. 3. Я остаюсь!	12
В боги взяты	14
Гл. 1	14
Гл. 2	16
Гл. 3	18
Гл. 4	20
Гл. 5	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

В боги взяты фэнтези

Владимир Иванович Макаренко

© Владимир Иванович Макаренко, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я остаюсь

Ч. 1. Человек

Очень хотел бы знать: кто же он на самом деле? Что с ним происходит? Отчего уже он, опускаясь на землю, становится кем-то для себя непонятным. Существо, в которое он перевоплощается, превращается в уродца, у которого совсем отсутствуют крылья. Вместо крыльев из мест их привычного произрастания появляются какие-то похожие на лианы длинные отростки с пятью расположенными веером сжимающимися и разжимающимися обрубками на оконечностях. Лапы превращаются в набитые тугими мышцами мешки. У них пропадают когти, которыми так удобно на лету подхватывать зазевавшуюся добычу. Перья исчезают полностью и все тело светится отвратительной наготой безобразно светлой и гладкой кожи.

Во время дальних перелетов за пределы родных гор ему приходилось встречать подобных тварей. Они жили в густых лесах. Ловко лазили по деревьям и раздражающе шумели. Но у них была жесткая шерсть. У некоторых были даже хвосты, которыми они орудовали очень ловко, когда зависали, раскачиваясь, на сучьях. У них тоже были коготки, но не такие, как у него самого. Только у них не было крыльев, хотя они легко перелетали с одного дерева на другое. У них было вкусное, нежное мясо. Один раз ему удалось унести в когтях их орущего детеныша.

Он подошел к ручью и по привычке хотел зло заклекотать на увиденное отражение. Вместо привычных звуков, которые всегда в миг вскипавшей злости вылетали из его клюва, он услышал, какой-то злобный вой. Так мог выть ветер, проносясь узкими расщелинами гор. Так были четвероногие твари, подкрадывавшиеся к нему в ту ночь, когда он впервые проиграл свой воздушный бой вожаку чужой стаи и раненый лежал на этом берегу. Тогда у него хватило сил только на то, чтобы перескочить на противоположный берег реки. Там сознание ушло от него. А когда пришел в себя, не смог узнать своего отражения в воде. Он был тем, кем стал сейчас, совершив сюда вторично свою вынужденную посадку.

Так кто же он? Треск ветки, сломанной неосторожным движением, долетел до его не успевшего потерять остроту слуха. Он резко обернулся, сжался в комок и изготовился к броску на врага.

– Не дури! – Появившееся из-за кустов существо было подобно его новому облику. Он не понял, что за звуки издал незнакомец, но ощутил, что тот предостерегает его от неверного поступка. – В прошлый раз я не сделал тебе ничего плохого! – Почему-то от этого существа, которое вместо перьев или шерсти было покрыто чем-то странным, похожим на тонкую сухую шкуру разных цветов, исходило что-то такое, что снимало напряжение и желание атаковать. Куски наброшенной на него шкуры необычно легко реагировали на малейшее дуновение ветерка и начинали колыхаться мелкими волнами. – Ты пришел сюда за помощью. Ты получишь ее. Но только никогда... поверь – никогда не поднимешься в небо на собственных крыльях.

Хотелось бежать. Скрыться где-то, пока не затянутся раны. Но, по сигналу незнакомца, вокруг, плотным кольцом стали подобные ему, в похожих одеяниях, направив в его сторону короткие палки, между которыми иногда пробежали зеленые и красные змейки огоньков. Стало ясно, что ему не сбежать от этих существ. Он покорно опустил голову.

– Так-то лучше! – Опять услышал он мягкий голос незнакомца. – Уведите его в пещеру. Пусть немного освоится. – И, выдержав паузу, завершил. – Я же уверял вас, что он вернется!

Ему впервые пришлось ступить в ту пустоту горных стен, что незнакомец назвал пещерой. На всякий случай он закрыл глаза. На их высокогорных плато, представлявших собой

необъятную каменную гладь с голубыми озерами, поросшими по периметру ягодниками и мелкими лесочками, где прятались от посторонних глаз другие обитатели, был обычай: летуна, которому подходил срок прощаться с небом, собратья сталкивали в глубокое ущелье, делящее плато на две части. Здесь могло произойти что-то подобное.

– Подойди! – Услышал летун звук незнакомого ему голоса. – Ты пришел к нам навсегда.

Летун поднял голову, отбросил с глаз волнистые пучки шерсти, совсем такой, какая была на головах и лицах незнакомцев. Перед ним на большом белом камне, в потоке ярких лучей, бьющих коническим столбом из круглого отверстия в потолке, сидел один из незнакомцев, вызывавший почему-то бесспорное почтение. Было видно, что к этому незнакомцу все остальные относились так, как в стае летунов относились только к вожаку.

Голова и то, что должно было быть его лицом, покрывал густой белый пух, на вид такой же мягкий, как тот, что покрывает тела птенцов, только-только вышедших из яиц. Пух этот напоминал цветом снег с дальних вершин, на которые летуну приводилось залетать для поиска добычи, чтобы обеспечивать питанием большую семью. Устремленные на летуна большие синие глаза, напоминавшие цвет родных озер, смотрели с отеческим теплом. Шкурки, прикрывавшие его тело, в отличие от других были тоже белоснежны.

– Д-а-а... – Внезапно вырвались из горла летуна звуки, которые ранее он ни за что бы не произнес.

– Ты даешь слово? Это хорошо! Я тоже сдержу свое. Ты не уйдешь на дно ущелья, как это делали все твои предки. Ты обрешь новую жизнь, постепенно теряя узы прежней. Твоя жизнь будет уже не жизнью летающей птицы, а жизнью человека. Так будут зваться впредь твои потомки. Человек! Такое имя я дам!

– А-а-дам... А-а-дам... – Заповторял летун последнюю уловленную фразу.

– Адам? Тебе понравилось это слово? Отныне оно станет твоим именем. Носи его, Адам. Все теперь так будут тебя называть.

– Адам. Адам. – Уже тверже произнес это слово тот, кто с этого времени переставал быть просто летуном. Он становился существом похожим на тех, кто окружал его сейчас. На ум пришло еще одно слово. – Чело-век.

– Да. Ты – первый человек в этих местах. Ты знаешь, откуда происходит это слово? Чело и век. Я даю тебе твой облик – чело, навсегда, навек. Понял, Адам? А теперь тебя проводят туда, где ты начнешь новую жизнь. – После этих слов Адама вновь окружили те, кто ввел его в пещеру.

Они спустились к подножью. Большая зеленая долина тонула в розово-голубом мареве прогретого ярким солнцем воздуха, настолько плотного, что в нем отражались краски необычных ярких цветов, которые Адаму никогда до того не приходилось видеть. У него закружилась голова. Раньше ему приходилось дышать совсем другим воздухом. Тем, в котором был только один запах – запах бесцветной прохлады.

– Прости! Не подумал вовремя! – Незнакомец, что первым встретил его, павшего от ран на площадку возле пещеры, протянул ему что-то похожее на распушенный птичий хвост. – Вот! Когда будет тяжело дышать. Приложи к лицу и нажми на это красное пятно. – Произнося эти слова, он продемонстрировал, как надо поступать Адаму.

Дышать сразу стало легче.

– Скоро в этом не будет необходимости. Вот мы и пришли! – Незнакомец указал на большую группу красивых деревьев, на которых росли различные плоды. – Это сад. Ты тут будешь жить. Вот твой шалаш. Питайся тем, что тебе понравится. В ручье много рыбы. А там, в лесочке за садом, есть птица и разные зверьки. Для начала, пока ты будешь осваивать речь, к тебе каждый день будут приходить мои помощники. Если же ты захочешь пообщаться, то произноси свои просьбы и пожелания вот сюда. – Он казал на странную штуковину, прикрепленную ко

входу в шалаш. – Ты будешь услышан. Всегда! А теперь, прощай. Теперь мы с тобой не встретимся... долго.

Адам остался один в чужом и совсем незнакомом саду, в котором радостно щебетали о чем-то маленькие птицы. Он не видел таких раньше. Но это веселое пернатое семейство было для него маленьким подарком памяти прошлого.

Ч. 2. Кто я?

– Как он там? Осваивается с новой обстановкой? Ничего не понял из произошедшего с ним?

– Такое ощущение, Род, что он не оценил еще все случившееся. Воспринял так, словно и произошло то всего лишь выпадение оперения. Ну, замена конечностей, конечно. Приходится нашим помощникам учить его пользоваться руками. Нужно было видеть, как он без помощи рук пытался «поклевать» пищу, прижатую к полу ногами!

– Это хорошо, что он все начинает заново. – Тот, кого называли Родом, улыбнулся. – Приобретение новых знаний и опыта запрячут глубоко в подсознание то, что он умел делать раньше. Но не сотрут. У меня на него большие надежды. Он начинает участвовать в делах, которые надолго оставят здесь след. Ты, Бук, проследи, чтобы занятия с ним не носили утомительный характер и в тоже время были достаточно интенсивными. Главное – дать ему речь для свободы общения с подобными себе. Кстати, как идут дела с подготовкой женских особей?

– Там мы ушли несколько вперед. Работать-то с обеими «дамами» начали уже приличное время назад. Научились говорить так, что уже щебечут, словно остались летунами.

– И это славно. Мы должны подготовить их встречу. Все должно быть случайно. А дальше решение о сближении они должны принимать сами. Иного быть не должно. Они станут родоначальниками жителей этих просторов. Их первые инстинкты лягут в генетическую память потомков. Все должно быть не очень эмоционально и само собой состоявшимся.

– Все будет исполнено, как запрограммировано, Род!

– Нужно, чтобы все произошло так, Бук. Для второго эксперимента понадобится много времени. Не хотелось бы его тратить напрасно....

Приставленные к Адаму наставники отлично справлялись с поручением. Он сам не заметил того момента, когда заговорил с ними на их языке, легко усваивая названия предметов, слова и даже целые предложения. Он мог уже общаться с ними. Общение заставляло думать, воскрешая что-то в памяти или формируя правильный ответ. Думать! А вот это давалось труднее всего.

– Кто я? – Внезапно задал он вопрос очередному наставнику, находившемуся с ним в этот день. – Где я был раньше?

– Ты – че-ло-век. Род уже объяснял тебе это. Ты всегда был здесь. Все, что ты видишь вокруг, твоя родина.

– А вы кто? – Неожиданно взволнованно спросил Адам. – Вы откуда?

– Если ты подразумеваешь под словом «вы» всю нашу группу, то все вместе мы люди.

А каждый из нас в отдельности тоже человек. У нас есть своя родина. Но сейчас мы прилетели сюда...

– Прилетели?! – Еще больше разволновался Адам. – Я тоже умел летать. Правда?

– Сами по себе ни мы, ни ты летать не можем...

– Я же мог! Я вспомнил! – Адам уткнулся лицом в ладони и заскулил, как маленький щенок. – Скажи, я мог?

– Это тебе приснилось.

– Что такое приснилось?

– Когда ты засыпаешь, то в память приходят картины того, что с тобой могло и не быть. Они запоминаются, тебе начинает казаться, что все это было с тобой наяву.

– Ты говоришь неправду. Я мог летать! Когда-то у меня вместо рук были крылья!

– Это только сон! – Заторопился сменить тему наставник. – Что еще тебя интересует?

– Почему я не живу с вами?

– Тебе было бы трудно понять все происходящее вокруг. Потому ты здесь. Но ты не один. Мы всегда рядом с тобой. В любой миг. Знай это.

– Кто такие те странные люди, которые говорят другими голосами и не имеют волос на лице? Они так похожи на вас.

– Я все понял! – Засмеялся наставник. – Ты говоришь о женщинах. Они такие же люди, как и мы. Они – матери наших детей.

– Кто это – дети?

– Так называем мы маленьких человечков, недавно появившихся на свет.

– Откуда появившихся? На свет – это значит из темноты?

– Не совсем так. Ты все это скоро узнаешь сам.

– Говоришь, в подсознании Адама сидит информация о его прошлом. Он помнит, что был летуном? Не будем глушить эти воспоминания совсем. Может быть, они когда-то будут востребованы. – Род, внимательно выслушавший доклад наставника, обратился к Буку. – Не пора ли организовать его знакомство со слабым полом? Он оказался неожиданно способным образцом. Все постигает на лету. Опять это слово! Ему нужно общение, раз уже заявляет о разнице бытия нашего и его.

– Как будем знакомить? Сразу с обеими?

– Естественно сразу. Иначе смогут быть конфликтные ситуации, а мы должны их избегать. Мы же формируем их подсознание, которое потом определит, каким путем они пойдут.

Адам сидел на берегу ручья, опустив ступни ног в прохладную журчащую воду. Он любил сидеть здесь, когда оставался один, и вспоминать события дня. Веселое пение птиц и приятный аромат цветов теперь уже были для него успокоительным бальзамом. После того случая, как у него закружилась голова, они никогда больше не прибегал к помощи дыхательной маски, оставленной в его шалаше.

Его сморил неожиданно подкравшийся сон. Он увидел снова картину прозрачного неба с ярким огненным шаром над головой. Он парит в воздухе и ему очень хочется подняться к этому шару, излучающему свет и тепло. К шару? Так это же то самое светило, которое он наблюдает здесь, в долине. И оно иногда так же располагается над его головой. Тогда даже самые высокие и густые деревья сада не могут заслонить его.

Что-то насторожило Адама. Сон пропал моментально. Что такое?! Он ощущал, он чувствовал каждой клеточкой кожи присутствие здесь чего-то неизвестного. Или кого-то? Адам, не выдавая тревоги, медленно поднялся на ноги. Также медленно повернулся к ягоднику, из-за которого исходило ощущение опасности. Ему стало еще тревожней. Собрав в комок всю свою энергию, он в два прыжка осилил расстояние, перепрыгнул куст подняв сжатую в кулак кисть руки для нанесения удара... Но опасности не обнаружил. На него в четыре любопытных глаза, сверкающих яркими льдинками, смотрели... женщины.

– Кто вы? – Пытаясь быть строгим, спросил Адам.

– А кто ты? – Вопросом на вопрос ответила одна из них.

– Я здесь живу. Это мой сад. Там мой шалаш.

– Мы тоже будем жить здесь. А шалаш сделаем побольше.

– Кто такое сказал?! – Воспротивился Адам.

– Он назвал себя Родом. Он сказал, что ты очень скучаешь в одиночестве и мы должны быть с тобой рядом.

– Я не просил...

– Они сами это поняли из твоих разговоров и по твоему виду. – Вмешалась вторая женщина. – Их женщины научили нас готовить пищу. А потом они научат нас шить одежду. Одежда? Это то, чем они прикрывают свои тела.

- Мне подарили имя Адам. А вам?
- Ева! – Представилась та, что заговорила с ним первой. – А ее называли Марой.

Ч. 3. Я остаюсь!

– Ты хочешь остаться? Из-за них?! Здесь? В этом мире, который был случайно обнаружен? – Бук очень волновался, хотя, это явно противоречило характеру испытанного долгим временем космического исследователя. – Ты хорошо все обдумал, Род?

– Да, я хорошо все обдумал. У меня для того было достаточно времени. Ты поведешь экспедицию назад. Ты будешь ее командором. Я сам объявлю это для всех. Согласно Уложению исследователей. Ты обязан будешь беспрекословно исполнить мой приказ. Прости, но этот шаг я сделаю. Я так решил!

– Ты решил расстаться со всем, что тебе было близко всю твою жизнь? Ради этих... этих особей удавшегося эксперимента, и не более? Ради этой кучки полу разумных существ, наскоро напичканных нами необходимыми примитивными навыками и знаниями? Только из-за того, что они напомнили тебе нас в нашем неизмеримо далеком прошлом, о котором ты знаешь только из курсов истории?

– Они ПОКА сходны с нами образом. Я должен помочь им стать и нашим разумным подобием. Только в лучшем его выражении. Для того я и остаюсь здесь, с ними. Для меня эксперимент не закончен. А ты доложишь Совету об успешном его начале. Может быть, тебе поручат населить кем-то подобным какую-нибудь удобную планету в соседней галактике.

– Но... программа выполнена. Мы сумели сделать то, что никому ранее не удавалось. Мы создали человека из местного материала.

– Как скучно ты все это произносишь, Бук. Не ожидал от тебя. Гореть желанием открытия и так скучно отзываться о нем тогда, когда оно свершилось.

– У нас не было других целей! Никто не ставил перед нами задачу отследить их развитие! – Возмутился Бук.

– Ты плохо контролируешь свое состояние. – Одернул его Род. – Новому командору не следует проявлять эмоции. Холодный рассудок и отсутствие всяких эмоций. Так учили нас те, кто начинал этот путь.

– Но, в тебе же заговорили эмоции, а не рассудок. – Возразил Бук.

– Потому я и слагаю с себя обязанности командора. И даже члена команды, которая полетит с тобой. А эмоции командора – путь к нанесению вреда не только себе, но и тем, кто доверился тебе полностью. Помни это.

– Прости... Это первый случай. Обещаю, что он станет последним.

– Верю. Потому именно тебе и передам командование экспедицией.

– Буду вынужден повиноваться, командор.

– Иди, собери людей и дай команду перенести лабораторию на спасательный челнок. Я останусь на нем. Он будет моим пристанищем и возможностью общения с вами. Надолго...

Приученная к дисциплине команда безоговорочно приняла весть о замене командора. Единственное, что позволили себе сделать члены команды, это поочередно подойти к Роду для рукопожатия. Прощального рукопожатия. Каждый из них понял, что в реальной жизни видятся в последний раз. В этих рукопожатиях они передавали ему свое беспокойство за его будущее, сожаления о вынужденной разлуке и попытку укрепить его и без того твердый дух.

– Спасибо всем за долгую совместную работу. Вы были хорошими товарищами. В виртуальном зале я смогу общаться с каждым из вас. Простите, если иногда явлюсь не ко времени. Счастливого вам пути!

После этих слов, Род занял место в на пульте управления челноком и вывел его на самостоятельную орбиту спутника этой случайной планеты.

Громада корабля, на котором он был всегда командором, покрылась яркой оранжевой оболочкой и мгновенно исчезла в густых чернилах пространства.

– Я сделал выбор. Я остался с вами созданные мной существа, которые еще только зовутся людьми. – Род смотрел в экран-иллюминатор на ту точку планеты, очень напоминающей родную Землю, где уже дважды извещали громким плачем явление новых жизней дети-близнецы рода Адама. Их у Евы и Мары было уже девять. Пятеро у первой и четверо у второй. Здоровые дети заполняли пространство родительского шалаша, который уже пришлось расширить.

– Нужно заниматься делами. – Оторвался он от экрана. – Сад, который мы им создали, для начала жизни скоро будет тесен. Пора делать из Адама добытчика и кормильца. Теперь он глава нового племени людей. Почему племени? Он глава нового народа, который никогда не существовал.

Из-за края планеты начала пробиваться тонкая полоска яркого оранжевого цвета.

– Рассвет. Совсем, как восход солнца. Наверное, потому и вырвалось у меня при разговоре с Адамом такое название этому светилу. Пусть так и будет! Для нас планета станет новой Землей, а светило – Солнцем. Ни от кого я не слышал иных предложений. Доброго утра вам, новые люди новой Земли!

В боги взяты

Гл. 1

Древняя старуха оторвала свое тощее тело от застеленной тряпьем лежанки, оперлась двумя руками о сучковатую палку, чтобы грозившее переломиться в пояснице тело смогло сохранить себя.

– Слышу! Не глуха ишо! – Прокричала она в ответ на настойчивые стуки в такую же дряхлую, как и она сама, дверь, отделявшую ее конуру от внешнего мира. Вырвавшийся из ее уст шепеляво-свистящий голос очень неприятно лег на слух человеку стучавшему в дверь.

– Чего шипишь, как гадина ползучая?! Отворяй! Беды не сделаю, а за ночлег отплачу добром! – Завозмущался ночной визитер. – Чай в нужную избу стучу! Ты бабка Оскариха?!

– Кому изба нужная, а кому бы и мимо тропку проложить! Разно глядеть можно! Открываю ужо...

Едва старуха скинула с двери запор, как она распахнулась, чуть не сбив хозяйку с ног.

– Чего пред дряхлой бабкой силу кажешь. – Заворчала старуха, сумев с несвойственной ее положению ловкостью избежать удара двери. – Ты на площади разгуляйся. Завтрево в самый раз наш голова поединки устраивает для всякого охотника. А первому поединщику топор достанется. Токмо не всяк мошей сышет, чтобы топором тем махать. Хлипковат ты больно, как мне глянется. Токмо со старухами поединки и вести. Старуху и дверцей зашибить, без напрягу, можно.

– Как это ты, старая, враз все оглядела? Вроде, окромя месяца никто тебе и подствету не ладил.

– Не слепа еще, чтобы глянуть, какой хлюпик в гости наведался. Небось, тоже в поединчики целишь? Надобно заранее снадобий сготовить, чтобы твои поломанные ребра как-то сладить. – Старуха неприятно рассмеялась в лицо гостю своим отвратительным голосом. – Ладно уж. Хватит голову мне морочить. Пушай твой напарник тож заходит, коли в дверь пролезет. Пушай только хатенку мою не разнесет, бугай перекормленный.

– То – брательник мой меньшей. Усилом (1) кличут. Два раз по семь зим перезимовал, а меня и ростом и статью вона как обогнал. Хотя с одного котелка щи хлебали. Умолил меня на поединки сводить. Как слух до нас дошел, покою не стало вовсе. Почитай, два десятка ден топаем. В пути мужичка встренули. Такой же, как и ты, ветхий. Он и сказывал, чтобы в твоей избе на ночлег стали...

– Знаю, о ком речь. Сами того не ведая, весточку дорогую мне принесли... Жив еще, женишок мой бывший. Сам-то заглянет? Не сказывал?

– Велел лишь сказать, что топор, им кованый, кому ни походя в руки лечь не должен. А все иное тебе самой известно.

– Старый хрыч! Знамо дело, не оставлю без пригляду. К сватовству подарок отцу моему ковал... Только все по иному легло... – За разговором гости не заметили, как запылал огонек в покосившейся печурке и лучина озарила избушку скудным светом. Вроде и не отлучалась от них старуха, а как умудрилась огонь развести – не понять. – Сейчас похарчуем. Потом спать ложитесь. А утречком я Усилу твоему кое-какие наказы дам. Чай снадобятся. Соломки со двора принесите. Мягше спать будет.

Не успело солнышко явить свои первые лучи из-за поросшего лесом холма, как старуха разбудила братьев.

– Коли утренней росицей лица не умыть, то день радости не принесет! Ужель про то мамка вам не сказывала? Идите-ка по росе погуляйте, да рожи свои заспанные ей же омойте. Тогда с Усилом беседу вести буду.

Притворив дверь перед носом воротившегося старшого, старуха пустила в избушку только Усила.

– Слухай в оба уха. Не простым делом заняться решил. Топор, которым овладеть захотел, не простой кусок железа. Кован он самим Хорсом (2), которого в виде старца, по миру бредущего, встренули вы с братцем в прошлый день. Кован для защиты народа от злыдней разных, какие на нашу землю глаз свой завистный косят. Хотел отцу моему передать, как дар за дочь, с коей свадьбу сыграть готовили, Токмо, не довелось... Злой Повелитель Нави (3) расстроил помыслы наши. Отомстил за отказ ему от отца. Когда Хорс родителем свои в другие края послан был, он упрятал подарок его с глаз людских на полный век, а меня зараз такой сделал, как видите ныне. Едино, чего лишить до конца не смог, так это наших встреч с любимым, каждый год в одни и те же дни...

– Докумекал я, старая, с кем беседу веду! – Внезапно прервал старуху Усил. – Ты же – Купава?! Невеста могучего Хорса!

– Догадлив больно. – Усмехнулась старуха. – Она и есть!

– Прости за поступки наши с братом! – Усил рухнул передней на колени.

– Простила уж. Кабы нет, так и говорить не о чем было бы. Трудный у тебя день будет, сынок. Сто лет ныне минуло, как на топор заклатье положено было. Доступен он стал руке человеческой. Важно только, рука бы нужная подвернулась. Оттого, выходит, жених мой вечный, путь вам сюда указал, да и на меня сослался. В поединке сразу не нутжайся. Те, которые первыми по жребью, не очень силенкой балованы. Их попроще одолеть. Твой час настанет, когда предстанет пред тобой силач, что свое лицо под черной тряпицей прятать будет. Он свои победы проведет, ты свои. Тут и меж собой столкнетесь... Одно помни, для чего и время на тебя трачу, к земле-матушке его не клони. На земле его не сомнешь... Для победы прислан, чтобы вновь топор от народа упрятать. Старайся его замять без касания земли, пока не обессилит. Потом брось под ноги старшине. Топор-то твоим уже будет. Он сам о пощаде молить будет запржде. А теперь испей вот водицы из того родника, где мы с Хорсом встречи проводим свои редкие. Поможет тебе водица эта свежим силой и духом быть в поединстве.

Гл. 2

Целый век – великий срок – передавал народ из уст в уста историю топора Хорсом кованого. Целый век придумывал народ сказы разные о диковинной силе этой железной штука-вине. Коли самым богом ковался, то и силу от него должен был получить необычную. Кто-то надумал, что топором тем от одного взмаха можно дуб пополам пересечь. Другой наградил его способностью десяток голов вражин разных зараз с плеч снести. Третий... Да что там! Хотя и не видел никто топора того, а легенд породили в достатке. Каждый наделил его тем, чего более всего сам желал бы иметь.

Сегодня драгоценный дар Хорса явиться должен был глазам людским, Срок подошел. Оттого-то и кинул клич голова во все стороны для сбора желающих овладеть оружием этим могучим, как и должно было поступить согласно зарок на топор наложенного Повелителем Нави, упрятавшим топор от глаз людских на целый век. Объявиться топор должен был на том самом месте, где и исчез с глаз. Местом тем и была площадь городища, в центре особым валуном, Хорсом поставленным, помеченная. Ровно в полдень увидят горожане и те, кто явился силой помериться, чтобы назваться хозяином топора, каков он.

Чтобы народу удобнее было зреть, как поединщики будут ломать друг другу ребра, сколотили помост-площадку высотой уровня глаз самого низкого из мужиков. Никто не должен упустить время зреть на поединство мужей, силой и отвагой известных в краях разных.

Не только поединщики прибыли из краев других. Вместе с ними торгаши пристроились. Удобно ведь, и защита рядом, и товарец на большом скоплении народа быстрее сбыть можно, и на поединство глянуть не грех. Мужики ведь. Кто же пустит в дальнюю дорогу одного своего героя. Вокруг него всегда желающих дружбу водить куча. Они тоже с ним в путь отправились, чтобы хвалиться потом перед родственниками и земляками, как налаживали боевой дух уставшего в пути богатыря, как поддерживали его боевой задор криками своими из толпы. Кто-то с собой и юнцов прихватил. Им скоро в мужики выходить, пущай поглядят, каковы они – богатыри настоящие в деле. Пущай захочется им такими стать. Может, и прославят родителя своего, да и жизнь иную наладить помогут. Богатырям завсегда при правителях почет. Им и еда повкуснее, и жилье покраще. А уж об одеяниях да наградах и разговору нет.

Кто-то пешим ходом в городище явился. Коли путь не далек, почему не размяться на свежем воздухе. Многие же конно прибыли. Кто верхами, кто на повозках. Пришлось на околище коновязи соорудать, чтобы не разгулялась скотина по полям да не изувечила посевы.

К полудню не только площадь, но и все деревья и крыши изб, что по ее кругу стоят, народом забиты были. Те, кто в поединках участие примет, у головы в избе от народа скрыты до поры. Нечего зря глазеть ранее положенного часа. Всяко бывает. Народ чужой пришел. Может, кто и порчу напустить наладит. Береженного, того и боги берегут.

Шумит народ полудня дожидаячись. Кто-то об заклад бьет за своего избранника; кто-то спорит о том, явится ли им топор, и каким он будет; кто-то товар, из дальних краев прихваченный, во всю глотку нахваливает потому, как нет такого нигде боле. Детвора, деревья словно воробыи облепившая, о своем щебечет, глотки надрывая, иных перекричать стараясь.

Такого шуму городище не слыхало ни в какие времена.

Видать, и богам интерес явлен, отчего это людишки там криком надрываются, покою не дают, их поминая в спорах своих. Затихла природа, замерла. Даже лист на деревьях не шелохнется. А солнце к зениту таким ярким катит, словно должно подсветить небожителям зрелище их заинтересовавшее.

В лучах солнечных, словно в золотой реке, плещется изваяние Хорса, сотворенное когда-то ушедшими в иной мир умельцами из могучего дуба и установленное на самом высоком месте, где капище его и где несет ему верную службу с незапамятных времен ведун Осок.

Ведун стоит сейчас подле валуна в ожидании возврата деяния рук Хорсовых. Белое одеяние его и белые же волосы на фоне черного камня как бы разделяют собой границу между черным злом, сотворенным век назад, и светлой надеждой, которая в этот момент легла на сердце каждого, явившегося на площадь.

Привыкший ко всяким оборотам и твердо уверенный, что все произойдет так, как было наречено, Осок ощущал некоторое, ранее не ведомое ему волнение. Недолг срок и уж скоро тень, бросаемая валуном на площадь, исчезнет совсем. Наступит полдень. И тогда... Хотя и ведет Осок частые беседы с божеством, которому служит, то никак не идет в сравнение с тем, что придется явно ощутить его собственно ручное творение. Беседы то идут не наяву. Мысленно вопросы задает. Мысленно ответы получает. А тут... Ему предстоит принять топор с валуна, он вместе с головой будет вручать его наиболее достойному. Знает, что выбор Хорсом сделан. Только не ведомо, как отнесется к происходящему Повелитель Нави. Не устроит ли и ныне каверзы какой поперек зарока. Остальные боги не должны допустить такого.

Не должны! А коли увлекутся чем иным и не узрят в нужный момент чего?

А тень все короче и короче. Совсем маленькая полосочка. Воздел Осок правую руку с посохом над головой. Затих народ на площади в раз. Словно кто отрезал все звуки. Казалось Осоку, что всем слышно, как бьется взволнованно в груди его сердце. Нельзя чтоб слышали! Ведун права не имеет на сомнение и волнение. Народ должен верить в силу и прозорливость его. На тон он и ведун.

Гл. 3

Как только пропала последняя полоска тени у валуна, как на верхней площадке его засверкал отраженными солнечными лучами заветный топор. Ахнул народ и вновь тишина нависла над площадью. Замерли все в ожидании того, что теперь происходить будет.

А Осок, переложив посох в левую руку, правой потянулся к топору. Ухватился за кованое железными кольцами топорище и легко, без напрягу всякого, поднял топор, который видом своим показывал, что не для руки седовласого старца кован был.

– Свершилось! – Прокричал в толпу Осок. – Явилось чудо Хорсово! Знать, быть поединству назначенному! Знать, обретет топор этот по воле Хорса хозяина нового, с которым и будут вершить дела им надуманные! Слава Хорсу! Слава сыну великого Рода!

С этими словами подошел Осок к голове.

– Возьми топор, голова. Верши волю богов! – Осок протянул топор, за который тут же ухватился голова. Только не получилось у него удержать топор в одной руке, как сделал то Осок. Чуть не выронил и тут же второй рукой ухватился за топорище. Тогда только и смог на уровне пояса удержать.

– Помогите ктой-то! – Рывкнул голова на стоявших неподалеку сыновей своих.

Оба сына бросились на помощь отцу и ухватились за топор с двух сторон. После того они втроем уложили топор на высокий чурбан, установленный напротив площадки для поединков. Чтобы виден был каждому поединщику, чтобы каждый знал, за что на поединок отважился.

– Начнем, однако! – Под одобрительный гул толпы объявил голова. И, повернувшись к старшему сыну, поручил. – Зови поединщиков. Пушай при всем народе жребий тянут кому с кем силу являть.

Выступили на свободное место перед площадкой двадцать три поединщика.

– Чего-то одного не хватает для пары! Так-то не по обычаем! Еще один нужен! – Объявил в толпу голова. – Может из нашенских, кто насмелится?!

– Коль надобен еще один поединщик, позволь, голова, братцу моему меньшому в этом деле поучаствовать. Должен же он когда-то мужицким делом заняться. Хватит в недорослях числиться. – Из толпы протиснулись на площадку двое. Один худошав, златокудр, тонок в стане. Другой же прямая ему противоположность: на две головы выше братца своего старшего, на целый локоть в плечах шире. Только цветом волос на голове и схожи. – Усилом наречен от рождения.

– Больно молод. – Усомнился голова. – Сдюжит ли такое дело? Сломают твою брательника на раз. Вишь, какая сила ноне сюда явилась?

– Ничего. Сдюжит, пожалуй. Пушай жребий тянет.

– Сами на то пошли! – Предупредил голова, указывая рукой, что Усил может занять место среди поединщиков. – А теперь к делу! В мешочке, что сын мой вынес, лежит две дюжины камешков. Шесть из них белые. Вот, глядите. – И голова высыпал на подставленные сыном ладони содержимое мешочка. – Все так? Тогда и приступим. Всяк из вас должен по камешку из мешочка выловить. Кому белые достанутся, тот ныне биться за топор будет. Кому черные камешки выпадут, тот завтра жребий потянет. И так четыре дня будет. Каждый день победитель единый объявлен будет. На пятый день победители схватятся. Тогда и порешим, кому топором владеть. Так-то!

В первый день поединков участие в них по воле жребиев не приняли ни Усил, ни богатырь в черной маске. Во второй день такое же выпало. Народу на площади поуменилось. Те, кто побежденными оказались, отбыли в родную сторонку. Чего глядеть на то, как другие радость победы празднуют с друзьями своими?

На третий день выпало Усилу тело свое поразмять. Долгим день показался, пока над противниками победы ладил. Всех одолел. Потому победителем объявлен народу был. Удивленный люд ревел от восхищения, когда никому не ведомый парень невесть откуда взявшийся валил противников своих. Сколько силы всяк отдавал каждому поединку! А у Усила на лице всегда улыбка, словно для баловства на помост взошел.

– Славный богатырь миру явился! Толковый мужик вырос! Этот еще не раз прославится! – Неслось из толпы в ответ на его победы.

На четвертый день победителем стал могучий боец в черной маске. Пришел он к победе, пожалуй, полегче, чем Усил к ней шел. Толпа тоже восхищалась богатырем и пророчила ему победу в последний день.

– Перед последними поединками надо бы к Купаве заглянуть. – Предложил Усату его брат, переговаривая с ним через щель в частоколе ограды двора жилища головы.

– Что ты, Коляда? Не дозволено поединщикам со двора сходить до последней схватки. – Остерег его Усил. – Иначе отправят туда, откуда пришли.

– Хорошо. Я сам к ней наведуясь. Мало ли чего присоветует.

Бородатый мужик удивленно вздернул брови, когда Коляда спросил у него, где избушка бабки Оскарихи.

– Вроде тут была. Ночевали в ней даже! – Убеждал мужика Коляда.

– Ты, паря, не с дуба ли упал? Отродясь, сколь свет белый вижу, никакой избушки и никакой Оскарихи тут не знавал и не видывал. Чего прилип-то. Хочешь старшему мужу голову морочить?! Я те щас бока помну, коли родитель в свое время не успел тебя уму разуму поучить!

Гл. 4

Обманула ночь тишиной и своей яркой звездностью, обещая добрую прохладу и покой крепкого сна уставшим от дневных забот людям. До полуночи только и лежала тишина. А потом под звездным небом полыхнуло заревом пламя огромного костра. То горели немудреные постройки поселенцев. Горело все, что могло гореть. А в свете разбушевавшегося пламени метались меж горящими постройками черные тени конных и пеших людей, блестели лезвия мечей, ножей и топоров. В ответ на их суету летели в ночь стоны тех, кто крепко держался за жизнь и не сразу расставался с ней после ударов смертоносного оружия. Раздавались крики детей, которых безжалостные руки ночных налетчиков швыряли в огонь, чтобы не осталось на месте их страшного пиршества ни одного, даже самого малого, свидетеля этой кровавой, обожженной пожарищами, ночи.

Изо всех поселенцев только двое убереглись от этого ночного набега. Им дано было богами сохранить в памяти события этой ночи. Два мальчугана, невесть откуда набредших на поселение несколько лет назад, взирали на страшную картину из глубокой норы, которую отрыли для игр своих мальчишеских и в которой не были обнаружены ночными налетчиками.

– Всех ли порешили?! – Вопросил у столпившихся вокруг него налетчиков, восседавший верхом на коне и закованный в дорогие доспехи, их предводитель.

– Всех! Никого не оставили – Заверили голоса налетчиков.

– Вот и славно! – Похвалил предводитель. – Свершилось то, что обещано было им, когда сброд этот решил в отдельности от соплеменников жизнь свою налаживать. Ушли в земли чужие, отказавшись от податей владыке своему! И пожить то долго не успели на землях чужих, как сыскал я их и наказал достойно! Уроком иным будут угли на месте их поселения. А вы слухи пускайте, что в краях этих народец больно зол и к расправам легок. Добра здесь искать нечего. Расправа неминуемо чужаков ждет. Не в первый год, так во второй, или в пятый, как этих своевольников. А вы, коли успели прихватить что из их добра, готовьтесь выступать. В обрат двинем пока день ясный не принес сюда каких гостей случайных. Не должно нам чужим глазам являться. О делах наших тут забыть на веки. У кого язык не сдержится, того ждет то же самое, что и ждало народа, нами здесь побитого. Помните!

В это время взметнувшееся пламя осветило лик предводителя.

– Он! – Прошептал мальчуган, что постарше, на ухо второму. – Это он наших батьку с мамкой жизни лишил. Помни все, Усил!

Лишь, когда солнце взбежало в небеса из-за стоявшего темной стеной густого леса вдалеке, решились мальцы пойти в поселение. Встретило оно их непривычным запахом удушливой гари и гробовой тишиной вместо привычного по утрам мычания коров и блеяния баранов, угнанных ночными налетчиками в качестве добычи своей военной. Кое-где, где огонь не добрал должной силы, на углях виднелись скрюченные, обуглившиеся останки, в которых невозможно было угадать погибшего. Сколько ни кликали в надежде услышать ответные голоса, ни до кого и не докричались. Никто, по всему судя, не избежал кровавой расправы. Одни они остались. Без крыши над головой. Без пищи. Только и было у них, что пара сухарей, котрые выпросили накануне у доброй тетки Исты.

Мужиковатая на вид от тяжести трудов, что легли на ее плечи, была Иста, по характеру своему, добрейшей из всех женщин их поселения. Не послали ей боги радости выносить собственных детей во чреве своем. По той причине и была отторгнута мужем и изгнана из жилища его. Так велел обычай. На такое решение дал добро и старшина поселенческий. Появление в ее жизни двух мальцов оценила она как явление божьей благодати. В маленьком ее шалаше-избушке нашли мальчуганы материнское тепло и добрую заботу. А Иста, назвав их своими детьми, гордо ходила теперь мимо жилища своего бывшего мужа и нисколько не завидовала,

что в жилище том растут трое младенцев-погодков. И что из того, что изгнана она за бесплодность? Вона, гляди! Боги дали двух детишек сразу в добрые руки ее.

Нету теперь доброй тетки Исты, которую младшой брат уже изредка мамой окликал. Никого нету! Одни...

– Здеся нам высиживать нечего. Пойдем искать, где добрые люди есть. – Сказал старшой, беря брата за руку.

– Пошли. – Согласился тот. – Ты ведь старшой, Коляда. Тебе и решать дела все.

– Тетка Иста сказывала, что в половине дня пути живет у леса мужик какой-то. Лесными делами промышляет. Говорила, что добр очень и ей по нраву. Хотела в отцы нам позвать. К нему пойдем. Чай, не оставит в беде. Больше и идти некуда...

Гл. 5

Жилище того, кого избрали мальцы своим защитником, поставлено было на большой поляне. Сразу за первой полосой молодой поросли рвущихся в небо стройных сосен. Срублена оно было так, что сразу и не поймешь: толи то шалаш большой, толи изба маленькая. Основание лежало на толстых чурбаках, чтобы весеннее таяние снегов богатых никак не вредило жилищу. Внутри представляла собой одну комнату, по бокам которой, у стен, стояли широкие скамьи покрытые шкурами барсучьими. Меж ними у третьей стены – стол, заваленный всякой всячиной. Ближе к выходу на полу выложено широкое и глубокое глиняное блюдо. На блюде, почерневшем от долгого пользования, тлеют покрытые пеплом угли. Недалеко в углу уложены щепы и обломки валежника для поддержания огня. В обмазанной глиной плоской крыше, заваленной поверху широкими сосновыми лапами, отверстие для выхода дыма, заткнутое пучком сухой травы. Над блюдом с углями, на железном пруте, уложенном на две рогатины, крюком подцеплен котелок. В котелке том хозяин жилища и готовил себе немудреную пищу, приправляя мясо добытых в лесу птиц и зверьков сочными лесными травами и грибами.

– Тута, на этой скамье постеля ваша. Она поширше будет. Уместитесь пока. А послея придумаем вам новые лежанки. – Сыпал словами бородатый Стан, наполненный душевной радостью так счастливо закончившегося одиночества. – Научу вас всему, чего самому боги знать дозволили. Одно помните: с миром лесным дружить надобно. И со зверем, и с птицей. И деревом всяким. Всем им боги свою жизнь дали. Не зазря ведь? Поди, надобно так? Про то всегда думайте. Знать не зазря боги все это миру дали!

Спустя короткое время определил Стан, что разные интересы у братьев. Старшой, тот более учения его о травах и иных растениях, о населения лесного ухватывал да все старался поболее узнать. Младший же все более охотой интересовался. К иным делам пристрастие имел: то валежника натащить, то яму-ловушку помочь копать, то просто со Станом борьбу затеять, чтобы силенку свою детскую показать. Чувствовал Стан, что в мальчугане том крепкая сила закладывается. Порой так захватит, что и расцепиться не просто. Потому и решил приемный их родитель каждому свое подробнее разъяснять. Так и зажили дружной семейкой.

Время спустя, когда братья подросли, пристроили для них новый угол. Чего в тесноте томиться?

А тут и весть случайный гость принес, что готовится в Сухоборье большое событие. Поединки проведут за право обладать топором, самым Хорсом выкованным. И явиться миру должен тот топор в строго назначенный день, в полуденный час. Понимать надо, коли самым богом вещь создана, то имеет она силу особую. В поединках участие принимать дозволено всякому, кто посчитает, что сможет осилить мужей в таких делах силой и ловкостью прославленных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.